

НАТАЛЬЯ ИРТЕНИНА

ПРАВО РОССИИ НА АРКТИКУ

Как не состоялась европейская колонизация русского Севера и Сибири

В последние годы Арктика стала стратегическим регионом, за богатства которого жестко борются немало стран. Россия также озвучила свои интересы в этой северной кладовой планеты. Возвращение нашей страны в свои арктические владения после временного отступления и возрождение её Северного флота усиливают накал страстей в международном дележе приполярных недр. Государства-конкуренты нацеливаются в том числе и на те участки шельфа, которые Россия рассматривает как исконно свои.

Конкуренция эта началась не в XX и не в XIX веке, а в ту эпоху, когда вдоль северных берегов Евразии плавали на Шпицберген, Новую Землю, на Печору, Обь и Енисей небольшие, но способные противостоять льдам кочи промысловиков-поморов. Уже на рубеже XVI и XVII веков русское правительство осознало необходимость защиты своих северных морских путей и рубежей от европейских мореплавателей, разведывавших земли, пригодные для колонизации. И так...

В мае 1553 года от берегов Англии пустились в плавание три корабля. Экспедиция во главе с сэром Хью Уиллоуби и капитаном Ричардом Ченслером, снаряжённая для поисков пути в Китай, взяла курс на северо-восток, в обход Скандинавии. Управляющий морскими делами Британии Себастьян Кабот в инструкции для моряков выражал надежду, что им удастся “успешно осуществить это замечательное предприятие, которое... будет иметь не меньший успех и принесёт не меньшую прибыль, чем та, которую восточная и западная Индия принесли императору (королю Испании и императору Священной Римской империи Карлу V – Авт.) и королям Португалии”.

Англия в те времена имела крепкий флот и много товаров для экспортной торговли, но не владела рынками сбыта и путями беспопытной торговли с другими странами. Южные морские маршруты находились в руках испанцев и португальцев. Кабот в своё время безуспешно искал северо-западный путь до Китая и Индии, в обход Северной Америки. Новый его проект северо-восточного пути к китайским богатствам был охотно принят купеческим сообществом Британии. Специально под это и будущие подобные предприятия организовалось “Общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и даже доселе морским путём не посещаемых”...

Европейская география XVI столетия знала о существовании пролива между Азией и Америкой. Ему даже дали название – пролив Аниан, хотя ни-

кто его не видел и не представлял пути к нему. Это знание было чисто теоретическим. Мечтой доплыть до Китая северными морями, обогнув Европу, Московию и Татарию, Кабота заразил шведский историк и картограф Олай Магнус. В свою очередь Магнуса вдохновило сочинение итальянца Павла Иовия Новокомского “Книга о посольстве Василия, великого государя Московского к Папе Клименту VII. . .”. Русское посольство посетило Рим в 1525 году, книга была издана тогда же.

Описание Московского государства в этом трактате выполнено Иовием по рассказам его русского собеседника в Риме. Посольский переводчик Дмитрий Герасимов был высокообразованным профессионалом, “весьма искушённым в человеческих делах”, как его характеризует Иовий. Одним из его интересов была география: он описывал Иовию самые отдалённые владения великого князя Московского, простиравшиеся на север и восток, за Уральские горы, до земли Югры и низовой Оби. “Достаточно известно, – записал Иовий за Герасимовым, – что Двина, увлекая бесчисленные реки, несётся в стремительном течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли”.

Сибирскими землями, а также знанием о них Московское государство начало прирастать за столетие до похода Ермака. Великий князь Иван III в конце XV века дважды посылал на Югру и Обь походные рати. Предположение Герасимова о северном пути в Китай – довольно смелое для той эпохи, но ничуть не фантастическое. В глубинах Азии русские побывали ещё в Батыевы времена. С описанием кругосветного плавания Магеллана Герасимов познакомился в том же посольстве в 1525 году. Русский же Север – Поморье, Двинская земля, Мурман – был известен ему не понаслышке.

С конца XV века русские посольства не раз плавали из Белого моря, от устья Северной Двины, в Западную Европу. Этим путём пользовались в основном для отправки дипломатических миссий в Данию (в одной из них побывал Герасимов). А задолго до того здесь ходили в Норвегию боевые ладьи новгородцев.

Московские послы плавали по Студёному морю-океану на ладьях местных жителей – поморов. Потомки новгородцев, поморы стали хозяевами арктического побережья России, отлично знали морские пути на запад, восток и север. Регулярные промысловые маршруты для добычи морского и пушного зверя (тюленей, моржей, соболя и др.) назывались у поморов ходами. С XV века был освоен Груманланский ход (на Грумант-Шпицберген). Одновременно или чуть позже появился Новоземельский ход (на Новую Землю). Во второй половине XVI века поморы проложили Мангазейский (в Обскую губу) и Енисейский ходы.

Есть сведения, что русские знали и путь до Гренландии, прочно забытый к тому времени скандинавами – первооткрывателями острова. До издания карты Олая Магнуса в 1539 году (базирувавшейся на сведениях Герасимова) в Западной Европе были уверены, что Гренландия – это полуостров, соединённый с материком в районе Лапландии и препятствующий любым попыткам проникнуть дальше на восток. Экспедиция Уиллоуби – Ченслера опровергла этот миф.

Но, как известно, англичане обнаружили путь не в Китай, а в Московию. Команды двух кораблей погибли во время зимовки на Кольском полуострове. Третий, “Эдуард – Благое Начинание” достиг устья Северной Двины в Белом море. Капитан Ченслер был доставлен в Москву, ко двору Ивана Грозного. Вскоре основанная в Англии “Московская компания” получила от английской королевы и русского царя право на монопольную и беспошлинную торговлю с русскими в Холмогорах на Двине.

С. Кабот напутствовал членов первой английской экспедиции “в Китай”: “Постоянно помните о великом значении путешествия, о чести, славе, хвале и выгодах, связанных с ним. . .”. А вот английский поэт и политический деятель Джон Мильтон в своей “Истории Московии” отзывался об этом плавании довольно резко: “Открытие России со стороны северного океана. . . могло бы казаться подвигом почти геройским, если бы предприятие это было внушено более высоким побуждением, чем чрезмерная любовь к корысти и торгов-

ле”. Писал он это более чем век спустя и потому неплохо знал, какие мотивы движут его соотечественниками, какими средствами выжимались богатства из растущих колониальных владений Британии.

На судне с говорящим названием “Ищи наживы” в 1556 году отправился на поиски пути в Китай Стивен Барроу, бывший штурман с корабля Ченслера. Это была вторая экспедиция англичан в северо-восточном направлении. В прибрежном плавании у Кольского полуострова британцам встретились русские промысловые суда. Поморы, шедшие к Новой Земле, показали англичанам путь. Промежуточными целями Барроу было достижение устья Оби и обследование берегов на всем протяжении пути, как в географическом плане, так и в этнографическом. Но пройти дальше острова Вайгач (к югу от Новой Земли), разделяющего Баренцево и Карское моря, британскому кораблю не удалось – не пустили льды. Результатом экспедиции стала карта берегов Баренцева моря.

Интересно одно наблюдение, сделанное Барроу. После зимовки в Холмогорах англичане обследовали мурманский берег Кольского полуострова и на самой северной его точке – мысе Кегор полуострова Рыбачий – обнаружили международную торговую площадку. Барроу выяснил, что сюда уже несколько лет приходят на судах норвежцы и голландцы для торговли с русскими, карелами и автохтонными лопарями. То есть существует ещё одно русское “окно в Европу” на севере помимо того, которое распахнули на Двине англичане. Для “Московской компании” в Лондоне это стало малоприятным сюрпризом.

На протяжении почти трёх десятков лет, до середины 1580-х годов, торговля на Мурмане росла и ширилась. Этому помогала активная хозяйственная деятельность монастыря на реке Печенга (недалеко от Рыбачьего полуострова), основанного в 1530-х годах святым Трифоном Печенгским. В 1570-х годах крупным международным торговым центром стала Кола (ныне пригород Мурманска). Конкуренцию “Московской компании” здесь составляли уже не только голландцы, но и французы, датчане и даже купцы других английских компаний. Тогда же голландцы сумели проникнуть на Двину, получив от Ивана Грозного разрешение торговать в Холмогорах.

Пытаясь спасти свою монополию, “Московская компания” подключила к делу сильный “административный ресурс” – королеву английскую. В 1583 году в Москву отправился королевский посол и изложил царю требовательное пожелание Елизаветы I: “Чтоб государь позволил ходить на Русь торговать одним англичанам, а из иных бы земель купцам и англичанам, у которых не будет королевских грамот, к Колмогорским пристаням и к Двинским устьям, ни на Обь-реку... ни на Печору, ни в Колу, ни на Мезень, ни к Печенге, ни к Соловкам, ни в Исленди... и ни к которому месту по-за Двиной к северной стороне... на кораблях... ходить не велел”.

Река “Ислендь” – это Енисей. Каким образом англичане собирались торговать там, непонятно. Путь туда едва был разведан поморами, никаких пристаней на Енисее не существовало. Тем не менее британцы заранее заявили претензии на торговое освоение этих абсолютно неизведанных краев. Иван Грозный пообещал частично удовлетворить их желания, но претензии на Печору, Обь и Енисей решительно отверг. А смерть царя в 1584 году и во все оставила королевского посла ни с чем.

Этот английский размах вплоть до Енисея немного удивляет ещё и потому, что за три года до того, в 1580 году из Англии стартовала очередная экспедиция на двух кораблях. Возглавляли её Артур Пэт и Чарльз Джекман. Им удалось продвинуться ненамного дальше С. Барроу: оба судна уперлись во льды на выходе из Югорского Шара, пролива между материком и всё тем же о. Вайгач. Не то что в Енисейскую губу (ещё тысяча верст ледяным морем!), англичанам снова не удалось добраться даже до желанной Оби.

Инструкции, выданные Пэту и Джекману, довольно любопытный документ. В составлении этих наказов принимали участие придворный астролог и философ Джон Ди и знаменитый фламандский географ Герард Меркатор. Экспедиции предписывалось достичь устья Оби и либо сразу, либо после зимовки плыть дальше на восток в поисках пролива Аниан, за которым к югу лежат “владения могущественного государя, императора китайского”. Причём открытие пролива следовало держать в тайне из опасения международ-

ной конкуренции: “Все моряки должны присягнуть в том, что они... будут молчать, чтобы другие государи не могли предупредить нас в этом деле”. Рекомендовалось обследовать и саму Обь, продвинувшись как можно дальше в глубь материка, по возможности до главного в тех землях города Сибирь (так называли ханский Кашлык).

Об истинной протяжённости материка на восток ни у русских, ни у европейцев тогда не имелось представления. Меркатор был уверен, что “плавание в Китай по восточному пути — очень короткое и лёгкое”. Однако он всё же советовал сосредоточить основное внимание не на поиске пролива Аниан, а на сибирских реках. Европейские географы, сведения которым поставляли “сухопутные” путешественники в Московию (послы, торговые агенты, авантюристы на русской службе и пр.), были уверены, что за островом Вайгач лежит громадный залив, замыкаемый с востока обширным мысом Табин. В этот залив впадают реки, пересекающие весь азиатский материк вместе с Китаем. Они, по словам Меркатора, “позволяют легчайшим образом перевозить любые товары из Китая... и других окрестных государств в Англию”. Например, считалось, что Обь берёт начало в легендарном Катайском озере, на берегу которого расположена столица Китая город Камбалу (Ханбалык, Пекин). На какой-нибудь из рек Меркатор советовал отыскать удобную для английских купцов гавань.

На морских путях Пэту и Джекману предписывалось внимательно замечать, “какое количество там китов и всякой другой рыбы для того, чтобы нам оказалось возможным... перенести туда наши рыбные ловли... и наш китобойный промысел”. На островах и материке рекомендовалось изучать, какие там есть водные источники, звери, какие растут деревья, “чтобы мы могли знать, пригодны ли они для гонки смолы и дегтя, для выделки мачт, для мелких поделок, для деревообделочных работ, для бочарного дела, для кораблестроения или для стройки домов, ибо в таком случае, если местные люди не пользуются лесами, то мы, может быть, могли бы начать их разрабатывать”.

“Если на протяжении Новой Земли можно найти умеренный климат, землю, производящую лес, пресную воду, посеvy и траву, и море, в котором водятся рыбы, то мы можем селить на этом материке излишки нашего народа, как это делают португальцы в Бразилии; эти переселенцы при нашей рыбной ловле и при наших путешествиях в Китай будут снабжать нас своими произведениями, питать и давать пристанище”.

Следовало подумать и о том, какими способами получать выгоду из отношений с туземцами, которые встретятся по пути. Если это дикари, живущие бедно, то “вы должны подумать об их почве — не может ли она каким-нибудь образом способствовать их обогащению настолько, чтобы они могли потом получить с неё нечто, чтобы приобретать” английские товары.

Интересна рекомендация, касающаяся туземцев, живущих вокруг Обской губы: “...будь то самоеды, югра или малгомзеи, обходитесь с ними мягко... и если узнаете, что у них есть государь или верховный правитель, то вручите ему одну из грамот её величества и получите от него соответственный ответ. Постарайтесь также устроить с этим народом обмен товаров, которые вы повезёте с собой, на такие, которые можно было бы там приобрести”. О том, что самоеды и югра (остяки, вогулы) — данники московского царя, в Европе было известно. Титулатура русского государя с конца XV века включала статусы “князя югорского, обдорского и кондинского” (Конда — приток Оби). Ещё в 1565 году в Европе вышла книга итальянца Р. Барберини “Путешествие в Московию”, где чётко сказано: “За этими же Рифейскими (Уральскими. — Авт.) горами находится царство сибирских татар (вогулчей); народ этот покорён Московией и находится у неё в подданничестве”. Иными словами, англичане планировали завязать отношения с местными народами в обход Ивана IV Васильевича.

Нетрудно заметить в этих инструкциях проект начальной колонизации мало- и вовсе неосвоенных земель Арктики и Сибири. С какими гигантскими проблемами пришлось бы при этом столкнуться, англичане не подозревали.

Однако после плавания Пэта и Джекмана Англия не отправляла экспедиций в Китай через Арктику почти столетие. С 1580-х годов поисками северовосточного прохода занялись нидерландцы. Инициатива принадлежала Оливеру Брюнелю, который несколько лет жил в России, находясь на службе

у купцов Строгановых. По их заданию он ездил на Обь и плавал вниз по Печоре, а затем разрабатывал проект исследования арктических берегов Сибири. Этот русский проект не был осуществлён, но состоялась голландская экспедиция, возглавленная Брюнелем. В 1584 году его корабль достиг Новой Земли, но (уже традиционно для европейских плаваний) не смог выйти в Карское море. На обратном пути судно потерпело крушение.

Десять лет спустя последовали ещё три северные голландские экспедиции. Первая – в 1594 году, под командованием Б. Ная и К. Тотталеса, всё же сумела выйти за “Вайгачский рубеж”, но ошибочно приняла Байдарацкую губу у западного берега полуострова Ямал за устье Оби. После этого оба корабля повернули назад. Часть материка (Югорский полуостров) у Байдарацкой губы европейцы красноречиво назвали Новой Голландией. В этой экспедиции участвовал Виллем Баренц. Две следующие, в 1595 и 1596 годах, проходили уже под его руководством. Вторая не имела особого успеха, в ходе последней Баренц решил обогнуть Новую Землю с севера. Это ему удалось, но во время зимовки на архипелаге Баренц погиб.

Перед уходом к Новой Земле экспедиция 1596 года открыла для Европы архипелаг Шпицберген – давно знакомый русским поморам Грумант. Море, известное со времен вольного Новгорода как Мурманское, а позднее Северное, Московское, Ледовитое, в XIX веке европейцы назвали Баренцевым.

В следующем столетии голландцы организовали ещё несколько арктических плаваний, имея те же цели – поиск северо-восточного прохода и коммерческое освоение северных земель. Все они застревали там же, у западных пределов Карского моря. Во второй половине XVII столетия в Европе пришли к выводу, что Новая Земля соединена с материком и с Гренландией перешейком и что северного морского пути в Китай не существует.

Промысловые богатства Русского Севера, особенно Поморья (беломорский регион) будоражили воображение европейцев. Очень быстро проекты торговой колонизации сменились идеями силового захвата русских земель. Зачинателем серии подобных планов стал немец Г. Штаден, авантюрист, долгое время живший в России и хорошо знавший страну. В его проекте конца 1570-х годов, предложенном нескольким европейским правителям, Поморье должно было стать воротами для завоевания всего Московского царства. “Чтобы захватить, занять и удержать страну, достаточно 200 кораблей, хорошо снабжённых провиантом, 200 полевых орудий или железных мортир и 100 тысяч человек”. Оккупировав северные берега страны, эта 100-тысячная орда должна была продвигаться на юг, занимая и грабя города, монастыри, села.

Степень исполнимости подобных планов показала русско-шведская война 1590-х годов. Шведско-финские отряды несколько раз пытались взять штурмом Колу, но укреплённый острог давал жёсткий отпор. Нападать на только что построенную мощную крепость Соловецкого монастыря шведы вовсе не решились.

Проект Штадена был похоронен в Германии и воскрешён англичанами в годы русской Смуты. Ещё в 1603 году в Британии появился план военной операции по захвату Соловецкого монастыря. В 1612 году, когда русский престол был пуст, Москва находилась в руках поляков, а государства как такового не существовало, английская “Московская компания” строила далеко идущие планы. Королю Якову I был представлен проект, разработанный главным агентом в России и управляющим “Московской компании” Дж. Мерриком и Т. Смитом. Их соавтором выступил капитан Т. Чемберлен, воевавший в России в числе европейских наемников.

Во многом проект повторял мысли Штадена. Предполагалось, что от России будет отторгнут и превращён в английскую колонию весь север и восток по Волге вплоть до Каспийского моря. Авторы документа уверяли короля, что русские охотно примут британское покровительство и что некоторые из них уже выразили согласие. “Пусть его величество соизволит дать полномочия одному или нескольким доверенным особам, которые и отправятся с будущей флотилией в мае месяце для переговоров с русскими... и для постановления с ними решения на условиях или подданства, или покровительства, смотря по данному в наставлениях его величества наказу”. При этом оплачивать войско конкистадоров-колонизаторов должны были “казной и то-

варами” сами русские, подписавшие соглашение (то есть ренегаты-изменники), “какими бы именами и титулами они ни назывались”.

Его величество соизволил. Весной 1613 года в Россию отправились деятели “Московской компании” во главе с Дж. Мерриком. Там они узнали об избрании на трон Михаила Романова. Неудавшимся покорителям Московии оставалось лишь поздравить от имени Якова I нового русского царя и уверить его, что они прибыли для восстановления торговых отношений между обеими странами.

Наверное, англичанам было гораздо обиднее лишиться такой удобной и лёгкой, по их мнению, возможности присоединить к короне лакомую часть России, чем шведам. Последние хотя бы на практике попытались военными действиями в 1611 году осуществить свою геополитическую грёзу по захвату Карелии, Мурмана и Поморья. Но получив сильный партизанский отпор местного населения, осознали трудновыполнимость задачи. Британцы же долго не расставались со своими мечтательными планами. Сведения о подготовке английского военно-морского вторжения на Русский Север приходили в Москву даже в середине XVII столетия.

Слишком активный интерес европейцев к сибирской Арктике вынудил русское правительство пристальнее наблюдать за происходящим. Едва в государстве после Смуты водворился некоторый порядок, власть начала собирать подробные сведения о плаваниях поморов и европейцев в северных морях. Особенное внимание вызывали Мангазейский и Енисейский ходы в богатые пушниной земли Западной Сибири.

Но ещё раньше, в XVI веке эти ходы считались у поморов заповедными, секретными. Государство также обеспечивало эту тайну запретом передавать иностранцам сведения о морских путях в Сибирь. За разглашение грозила смертная казнь. Впрочем, охотники пооткровенничать с иноземцами всё же находились. В 1612 году голландец Исаак Масса опубликовал карту северных берегов России, полученную им в Москве. Карта изображала как раз маршруты Мангазейского и Енисейского ходов. Имя своего осведомителя Масса утаил: “Если это станет известно, этот москвитянин должен будет за всё заплатиться головой”. Однако этот случай скорее исключение.

В записках Я. Г. ван Линсхотена, участника экспедиции В. Баренца, есть свидетельство, что поморы при общении с иностранными моряками хитрили. Голландец описал путь до Оби, сведениями о котором европейцев снабдили поморы: морем вокруг полуострова Ямал. Сами русские промысловики этим маршрутом не пользовались – он был непроходим из-за льдов, море там лишь изредка очищалось. Заповедный поморский путь на Обь лежал поперёк Ямала – по рекам, а между реками – волоком. Точно так же, речным и волоковым путем ходили к Енисею и дальше на восток.

“Немецкие люди в Монгазее не бывали, и впредь торговые и промышленные люди и самоедь (туземцы. – Авт.) немецких людей в Монгазее никакими судами приходу не чают” из-за “великих и непроходимых льдов”, – отчитывался в Москву местный воевода. Тем не менее, в 1619 году царский указ запретил морские плавания в Мангазее. С одной стороны, это было вызвано желанием поставить под административный контроль освоение сибирских земель и путей (прокладывались новые сибирские маршруты по материку). С другой – правительство тем самым препятствовало попыткам иностранцев проникнуть в эти богатейшие края. К угрозе западноевропейской колонизации Сибири в Москве отнеслись серьёзно, пожертвовав при этом экономическими интересами своих же поморов, развитием русского арктического мореходства и приполярных городов. (В 1670-х годах “златокопящая Мангазея”, единственный тогдашний морской порт в сибирской Арктике, была вовсе упразднена царским указом.)

Дополнительными мерами обережения от “немецких людей” было возведение деревянной крепости на ямальском волоке и уничтожение поморских путеводных знаков – традиционных крестов по берегам. “И те признаки велели мы... сжечь, чтобы однолично в Сибирь, в Мангазее, немецкие люди водяным путём и сухими дорогами ходу не приискали”, – докладывал царю тобольский воевода в 1626 году. За нарушение указа, если “которые русские люди пойдут в Монгазее большим морем и учнут с немцы торговать мимо нашего указа, а тем их непослушанием и воровством и изменю нем-

цы или иные какие иноземцы в Сибирь дорогу отыщут”, полагалась смертная казнь с разрушением жилища виновного.

Впрочем, у европейских путешественников не было никаких шансов следовать путями поморов на восток. Их крупные суда с глубокой осадкой не были приспособлены к плаваниям в ледяных морях, тем более к волоковой тяге. Конкуренцию с поморскими и сибирскими ладьями-кочами они не выдерживали. Кочи, имевшие круглый яйцеобразный корпус и дополнительную защитную обшивку – “ледяную шубу”, могли спорить со льдами. При попадании в ледовое поле их не ломало в щепы, а выжимало на поверхность льда, по которому суда можно было тянуть канатами.

В те же самые годы, когда европейцы, не сумев выйти за пределы Баренцева моря, почти уверились в том, что ходу дальше на восток нет, Семён Дежнёв, Федот Попов и Герасим Анкудинов на трёх кочах прошли по легендарному “проливу Аниан” между Азией и Америкой. Был 1647 год. . .

Право России на Русскую Арктику не упало ей в руки само – оно было завоевано в честном соревновании.